

СОЦИОЛОГИЯ ИННОВАТИКИ

УДК 332.8:303.42

Е.А. Другова, Л.В. Шевченко

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ ПОВЕСТКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ XIV ТОМСКОГО ИННОВАЦИОННОГО ФОРУМА INNOVUS – 2011)¹

Обозначена новая область для проблематизации (переосмысления) инноватики, а именно, ее социогуманитарная составляющая. Инноватика характеризуется как междисциплинарная область знания и практики. Описывается особый статус социогуманитарного знания в отечественной традиции. Представлена роль идеологии в современном инновационном дискурсе России. Проанализированы основные субъекты инновационной деятельности. Охарактеризованы ключевые социогуманитарные дефициты, угрозы, проблемы, вызванные инновационным и технологическим развитием. Материалом для анализа и апробации тезисов выступил XIV Томский инновационный форум INNOVUS.

Ключевые слова: социогуманитарная проблематика, инноватика, инновационный дискурс.

Инноватика: междисциплинарная мозаика

Первые и базовые представления об инновационном развитии пришли из экономики и были связаны с концепцией экономического блага, теорией экономических циклов, значением нововведений для экономического роста и ролью предпринимательской активности. Вопросы сущности и структуры инновационных процессов начали рассматриваться в западной экономической науке в 30-е гг. XX в. Экономист Н.Д. Кондратьев в своей теории «больших циклов» впервые показал, как динамика экономической структуры общества реагирует на базовые нововведения (ключевые изобретения) и как затем это влечет за собой реализацию вторичных, модернизирующих социально-экономических нововведений [1]. Важную роль сыграли идеи экономиста и социолога Й. Шумпетера (1950-е гг.), который отводил предпринимательской деятельности важную роль в воспроизводстве экономических циклов и преодолении экономических спадов, видя при этом предпринимателя центральной фигурой, запускающей «эффективную конкуренцию» при помощи введения в оборот инноваций: продуктовых, технологических, управленческих, логистических [2].

Когда ставка в индустриальном экономическом развитии стала делаться преимущественно на технологические инновации и научно-технологическое

---

¹ XIV Томский инновационный форум INNOVUS проходил 26–27 мая 2011 г. в г. Томске. Заявленная тема: «Инновационная Россия – 2020: Как запустить экономику знаний?». Организаторы: Администрация Томской области, Администрация Президента РФ, Министерство экономического развития РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

лидерство (США, 1960-е гг.), оформился блок представлений о научно-технологическом развитии. Были созданы научно-исследовательские и технологические центры и организации, занимающиеся менеджментом и экономикой сектора R&D¹, такие как корпорация RAND. Исследовались вопросы происхождения изобретений, взаимосвязи науки и промышленного R&D, распределения ресурсов для оптимальной генерации знаний. В инновационной повестке прочно закрепились вопросы о роли науки и университетов, о связи университетов и сектора малого бизнеса, о коммерциализации научных разработок, циклах внедрения новых разработок, технологических платформах.

Еще одной, достаточно самостоятельной областью знания и практики является инновационный менеджмент, описывающий механизмы управления инновационными процессами на предприятии или в организации. В 1960–1970-е гг. идеи инновационного менеджмента развивались Я. Ван-Дейном, Г. Меншем, Х. Фрименом. Ван-Дейн предлагает одну из первых типологий инноваций: он выделяет основные и дополнительные продуктовые инновации, а также основные и дополнительные технологические инновации. Фримен описал технологическую систему как комплекс инноваций, связанных с общей технологической базой, и технологическую революцию как смену технико-экономического уклада. Кризисы и экономические спады, по его мнению, подавляют инновационную деятельность. Противоположная точка зрения высказывалась Г. Меншем, который указывал на роль кризисов как генераторов инновационной активности [3].

Социально-психологическую сторону инновационных процессов исследовал гуру менеджмента П. Друкер, указывающий на социальную ценность инновационной деятельности, меняющей стиль мышления и стиль жизни многих людей. При этом подчеркивается роль интеллекта, изобретательности, нестандартности мышления участников инновационной деятельности [4]. В рамках инновационного менеджмента глубокую проработку также получили такие направления, как управление инновационными проектами, привлечение инвестиций в старт-апы и их продвижение, защита интеллектуальной собственности и т.д.

Взаимосвязь инновационного и общественного развития различными исследователями осмыслялась по-разному. А. Ахиезер, И.В. Бестужев-Лада вводят понятие социальных нововведений [5, 6], В. Келле предлагает определение требований к инновационной системе России [7], А.В. Луков разрабатывает концепцию социального проектирования и прогнозирования [8].

Важно подчеркнуть практический характер «инноватики»: она не является сугубо научной областью, а тесно связана с решением практических задач, осмыслением конкретного опыта разных стран, корпораций и компаний по управлению инновационными процессами, достижению конкурентных преимуществ, удержанию лидерских позиций на рынках. Словосочетание «инновационная политика фирмы» становится популярным в США по-

---

¹ R&D (Research and Development) в пер. с англ. «исследования и разработки» (российский аналог НИОКР). Отделы R&D реализуют перспективные исследования с целью последующей их коммерциализации.

сле великой депрессии, когда фирмы стали рассматриваться как инициаторы инноваций, способных помочь выйти из кризиса. Затем значимым стало изучение поведения фирм на рынке, факторов риска, прогнозирование эффективности инноваций. Постепенно стала расти роль государственного регулирования инновационной активности фирм. В результате этого в 1980-х гг. в развитых странах возникли национальные инновационные системы [9].

Итак, в целях удержания междисциплинарного подхода инноватика в данной статье рассматривается в широком смысле, как область, соединяющая в себе разные типы знания, практики, методы. Результат такого положения дел – множество подходов и определений инноваций (инновационного развития), зачастую противоречивых. Следствие этого – проблемы в области управления и принятия решений, где с каждым годом нарастает потребность в механизмах интеграции многообразных знаний и представлений, их взаимодействия и конвертации. Отсутствие подобных механизмов чревато, в конечном счете, рисками неэффективного управления инновационными процессами.

Театр инновационных действий: главные и эпизодические роли

На сегодняшний день инновационная проблематика в целом только подходит к осмыслению своих социогуманитарных, социокультурных оснований. Как правило, инновационные преобразования рассматриваются преимущественно в русле естественнонаучного знания и технических (техико-экономических) проблем. Между тем основные механизмы ускорения или торможения сложных и противоречивых процессов перехода к новым формам организации жизни общества лежат в социокультурной сфере. По мнению многих современных исследователей, научно-технические проблемы, на исследование которых направлена сегодня значительная часть интеллектуального потенциала, в принципе неразрешимы без социокультурной основы, а её разработка только начинается [10, 11, 12, 13]. Таким образом, освещение роли гуманитарных составляющих инновационной проблематики видится актуальнейшей задачей современного этапа развития этой области знания и деятельности. Можно представить это следующим образом: научно-технические, экономические разработки, обладая инновационным потенциалом, обнаруживают свои реальные возможности при наличии определённых мотивов, социокультурных ситуаций. Общеизвестный пример – изобретение пороха, который изначально предназначался в Китае в качестве начинки для пиротехники и лишь потом стал использоваться для изготовления снарядов взрывного действия.

Конкретизировав положение социогуманитарных практик и направлений мысли в пространстве инновационной деятельности, можно охарактеризовать их как не вполне легитимные, не имеющие на сегодняшний день способов инкорпорации в инновационный контекст. Однако их дефицит уже обозначен достаточно явно. Так, к примеру, А.А. Аузан, исследуя специфику российских инновационных преобразований в контексте процесса модернизации, говорит о долгосрочности и социокультурной основе этого процесса: «Вот когда вы его считаете технико-экономическим, происходит прыжок,

удар головой о потолок и падение, потому что быстро можно только мобилизацию проводить, а не модернизацию» [10. С. 161].

Дискурс – влиятельный аноним

В качестве материала для анализа специфики социогуманитарной составляющей инноватики выступил XIV Томский инновационный форум INNOVUS. Далее в тексте приводится ряд наблюдений и замечаний, сделанных в результате участия в форуме, иллюстрирующих предваряющие их теоретические выкладки.

Форум рассматривается, прежде всего, как дискурсивное пространство, позволяющее реализовывать определённые речевые практики. Дискурс, в широком смысле слова, представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестируемое в доступных формах), необходимых для понимания текста, дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения.

Форум в таком рассмотрении – актуальная репрезентация инновационного дискурса как общественно-исторически сложившейся системы человеческого знания, совокупность анонимных, детерминированных временем и пространством правил [14]. Другими словами, дискурс – это сеть когнитивных отношений между понятиями, теориями, высказываниями, т.е. между всем тем, что в той или иной степени релевантно возникновению данного знания. Та или иная дискурсивная формация является «предзаданным способом мышления», создаёт границы для коммуникативной, познавательной и практической деятельности человека. Таким образом, рассмотрение специфики инновационного дискурса даёт возможность осознать как его возможности, так и ограничения, объективно мешающие конструктивному решению ряда возникающих практических задач [15].

В рассмотрении собственно инновационного дискурса включаются общие посылки, основополагающие концепты (то, что не выносится на обсуждение, а уже сформировалось в сознании участников), ведущие позиции (основные субъекты дискурса и их ценностные установки), обсуждаемые, явные (и неявные) проблемы, дефициты.

Сужающийся круг идеологии

Сегодня в России инновационное развитие представлено в качестве ключевого момента построения и реализации национальной модели модернизации. Таким образом, инноватика становится ключевым элементом политико-экономического дискурса. Интерпретируемая в свете политических интересов инновационная тематика приобретает типологические характеристики идеологии, понимаемой в противопоставлении науке и культуре как нечто сконструированное и искусственное, поддерживающее интересы доминирующих групп и служащее инструментом мобилизации [16]. Вследствие этого весь инновационный дискурс детерминируется жанровыми чертами идео-

логии, которые автоматически переносятся на разные содержательные области, актуализирующиеся в теме инноваций.

Фиксируемая непроработанность и поверхностность инновационной идеологии приводит к методологическим трудностям в организации взаимодействия разных научных и практических областей знания. Носителями этой идеологии являются по большей части представители власти, административно-чиновничьи слои, осуществляющие управление и администрирование инновационных процессов, задающие тематические и концептуальные рамки, контролирующие результаты инновационных проектов и программ. Специфика административного подхода к социокультурным объектам управления в сфере инновационных процессов, таким, к примеру, как «наука», «молодёжь», «городская среда», выражается в рассмотрении их как «внешних», «натуральных» (*per se*), что не позволяет увидеть их гуманитарную специфику.

Таким образом, негибкость идеологизированного инновационного дискурса вкупе со спецификой административного подхода дают в результате то, что собственно гуманитарное содержание, вырастающее из живых человеческих мотивов, деформируется и подменяется «лекалами», сконструированными «сверху». «В рамках социально-морфологической точки зрения ударение делается не на специфических социальных функциях рассматриваемых групп, а на их социально-мобилизационном потенциале, то есть способности участвовать скорее в политическом, чем в социально-экономическом процессе» [17. С. 445]. Зачастую дефициты, относящиеся к сфере социогуманитарного знания, не проблематизируются и не осмысливаются как отдельные и сложные аспекты ситуации, а формализуются и устраняются (закрываются). В частности, распространено использование заимствованных из опыта других стран примеров, кейсов, способов решения проблем. В результате такого неадаптированного формализованного заимствования складывается некий компендиум – свод частичных прецедентов, взятых из различных контекстов. При этом практически не обсуждается технология «конвертации» разнообразных эмпирических примеров в данный страновой и региональный контекст. При слабо проработанных концептах, при дефиците методов изучения и описания своего инновационного опыта и его особенностей огромное количество рабочих примеров так и остаётся сводом разрозненных знаков (маркеров) инновационности и не складывается в связанное содержательное поле.

Помимо прочего, идеологичность инновационного дискурса не позволяет отслеживать и осмысливать неудачный опыт и тем самым развивать рефлексивные механизмы. При очевидной и естественной для инновационной деятельности дефицитности экспертизы развитие рефлексивных механизмов могло бы уменьшить присущие ей риски.

Ещё одним следствием идеологичности является проблема отсутствия релевантных форматов описания, осмысления инновационного опыта. Такие форматы можно назвать «жанровым мышлением», где жанр понимается как репрезентация разных типов мышления [18], что соотносится с понятием «модели» в техническом знании. Наличие жанрового разнообразия увеличи-

вает когнитивные возможности инновационного дискурса, делает его объёмным, гибким, что позволяет вовлекать в это поле представителей различных типов деятельности, с разными картинами мира. Жанр в таком контексте превращается в способ работы с трансформацией и «конвертацией» различных типов знаний, с их опосредованием и интеграцией.

Реалии форума. Ярким примером дефицита социогуманитарных представлений в рамках инноватики может служить настойчиво поднимаемая последние несколько лет проблема формирования инновационной среды [19]. Среда как некое целостное, взаимоусиливающее пространство, где увязаны гуманитарные и технические аспекты, пока не поддается осмысленному проектированию, так как до сих пор воспринимается как некая материальная инфраструктура, и обсуждения городской среды или университетской среды все еще происходят на уровне натуральных вопросов о том, «что нужно снести, а что построить», без восстановления контекстов (например, исторических), без обсуждения концептуальной и смысловой нагрузки проектируемой среды.

Уйти от формализованного и стереотипно-административного взгляда на город и его среду призвал эксперт В.Н. Княгинин, предложив проектировщикам инновационной среды Томска сначала «увидеть» город в других важных аспектах, «перерисовать карту города в «языке знаний». Этим была подчеркнута насущная необходимость разработки инструментария, адекватного стоящим перед проектировщиками задачам [20].

Сама «креативность», понимаемая как ценная компетенция, способная капитализировать культурные процессы, является примером заимствования, не концептуализированного в российском социогуманитарном контексте, представляя собой некий «черный ящик», содержание которого каждый проектант волен вообразить сам.

Тем же свойством обладают многочисленные примеры успешного инновационного опыта, звучавшие на форуме (например, перепроектирования городской среды и «вдыхания второй жизни» и новых смыслов в умирающие, с точки зрения инноватики, индустриальные города, звучавшие на разных площадках), которым отводилась роль ярких картинок обманчиво легкого и копируемого чужого успеха. Однако такие картинки не способны отобразить внутренние механизмы реализации инновационных проектов и социокультурных факторов их эффективности.

Человек – маломерка: редукция социоантропологических представлений

Ещё одной общей предпосылкой инновационного дискурса в целом, деформирующей полноценный социогуманитарный взгляд на проблему, является сведение человека к экономической проекции, редукция его до экономической эффективности: как правило, человек, человекомерные образования опосредуются понятиями «человеческий капитал», «человеческий ресурс», «человеческий материал». Ещё К. Поланьи указывал на то, что «индустриальная цивилизация перемешала части бытия человека» [21. С. 57] и предостерегал от «ядовитого наследия» рыночной экономики – экономиче-

ского детерминизма. Такое упрощение не позволяет осмыслить на должном фундаментальном уровне образ человека, соответствующий новой (постиндустриальной, инновационной) формации, привлечь ресурсы философской антропологии, социальной философии. Неэкономические качества человека также зачастую редуцируются до способности потреблять инновации и постоянно самообновляться с этой целью.

В этот же ряд можно поставить широко обсуждаемую проблематику роли традиций в инновационном развитии. Человек, рассматриваемый в аспекте инновационной формации, предстаёт как атрадиционный. «Там, где традиции отстают, нам приходится жить в условиях большей открытости и самостоятельности. <...> Но эти свободы несут иные проблемы: общество, живущее «по ту сторону» природы и традиций, требует от человека самостоятельных решений, в том числе и в повседневной жизни. Но темной стороной самостоятельных решений становится усиление непреодолимой зависимости. Распространение непреодолимой зависимости (работа, физкультура, еда, секс и т.д.) как идеи и реального явления – его причина в том, что эти сферы жизни, как и остальные, сегодня гораздо меньше, чем прежде, регулируются традициями и обычаями», пишет Э. Гидденс [22. С. 63]. Он отмечает также, что ослабление традиций меняет основу самоидентификации личности: человек должен гораздо активнее создавать и воссоздавать свою идентичность. Человек оказывается перед вызовом пересоздания собственной самости, необходимости как адаптироваться к инновациям, так и производить их в условиях неопределенности, отсутствия традиций. Поэтому традиция, её механизмы, обеспечивающие «естественную» поддержку человека, его целостность, ценностную взаимосвязь прошлого с настоящим и будущим, несомненно, нуждаются в серьёзном осмыслении и обсуждении.

Обсуждая непрерывность технологических инноваций и ограниченные возможности людей к адаптации, Н.В. Попкова обращает внимание на тот факт, что «современные технологии, включаясь в систему общественных отношений, становятся важным фактором социальных трансформаций. Кроме того, зафиксированы изменения в сфере духовной культуры, вызванные не сознательными воздействиями ее творца – человека, а безличной логикой технического развития, процессами самоорганизации техногенной среды. Например, информационные технологии, с помощью структурирования информации и обеспечения ее доступности осуществляя глубокие трансформации индивидуального и массового сознания, унифицируют социальные практики, обеспечивают включенность людей в глобальный информационный обмен и становятся инструментом психологического давления, ненасильственно вторгаясь в эмоционально-волевую сферу человека» [23. С. 41].

Неизбежность трансформации человеческой природы и ее пути обсуждаются сегодня многими авторами. Так, Э.С. Демиденко утверждает, что человек, освобождаясь от природной детерминации, попадает в зависимость от техносферы; место биосферной зависимости занимает техническая, не менее жесткая; биовещество постепенно заменяется техновеществом, а природные существа искусственными. Чтобы вписаться в надприродный мир, человеку приходится трансформироваться» [24. С. 159–160].

Отсутствие в инновационном дискурсе четко артикулированных вопросов относительно влияния на человека и общество сопутствует тому, что инноватика зачастую воспринимается как научно-технические изобретения, перспективные для использования в военных целях, либо как научно-технический продукт, годный для использования на рынке. «Сложилось устойчивое «материально-техническое», «вещественное» понимание проблемы, доминированию которого, конечно же, способствовали господство материализма и прагматизма в XX в. Кроме того, подобное состояние ума является следствием исторического триумфа промышленной революции, и тот факт, что НТР очевидным образом реализовалась в сфере материального производства, предопределил преимущественное понимание инноватики как чего-то конкретного, «технического», или, по крайней мере, как некоего решения в области производства, именно поэтому и обладающего ценностью» [25. С. 52].

Отечественные авторы А. Андреев, П. Бусыгин, В. Горохов говорят о том, что в XXI в. появляются технологии, позволяющие воздействовать не только на социальные формы и формы ментальности, но и на нашу антропологическую конституцию, на природу человека (нанотехнологии, биотехнологии, ИТ, искусственный интеллект) [26. С. 9]. Исследователи предлагают концепцию социотехнических систем как целостных гетерогенных комплексов, где техническое тесно переплетено с социальным. По их мнению, такие системы должны проектироваться, а не развиваться неспланированно, по собственным законам. Система должна «вписываться в ее <...> окружение – культурное, социальное, биологическое, физическое» [26. С. 48], учитывать вероятные изменения в обществе. Пока же такие системы больше «складываются», чем «строятся», при этом инноватика рискует стать способом втягивания людей в «обладание техническими возможностями, которые по большому счету не повышают качества жизни, а реализуются просто потому, что они «новые» или воспринимаются как символ социального престижа» [26. С. 49].

В.М. Розин выделяет три дискурса и концепции техники и технологии: технократический, естественнонаучный и социокультурный. В рамках последнего дискурса обсуждается соотносительность техники с природой, бытием, человеком, языком и деятельностью. Социокультурный дискурс обслуживает решение экзистенциальных проблем техники (вопрос о сущности техники, о возможности преодолеть техническую обусловленность, о судьбе техногенной цивилизации). Представители социокультурного дискурса убеждены, что техника выступает не как самостоятельная сущность, а как аспект или инобытие других реальностей, таких как естественная и техническая наука, инженерия, индустриальное производство, культура, социум. Социокультурный дискурс может быть рассмотрен как рамочный (более широкий) по отношению к естественнонаучному. Он выглядит, по мнению В.М. Розина, вполне современным и перспективным [27. С. 180–181].

Реалии форума. В качестве опорного документа на сайте форума приведен текст Инновационной стратегии России до 2020 г., где дано определение инновационного человека. Подчеркивается, прежде всего, его «адаптивность

к постоянным изменениям: в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий», а также способность «быть активным инициатором и производителем этих изменений» [28]. Такое узкое и однобокое представление человека не предусматривает целостности человека, сохранения связи с прошлым, ответственности за долгосрочные результаты технологической возгонки, за антропологические, социальные, экологические и другие риски такого типа развития. Такое же редуцированное представление о человеке сохранялось на форуме.

Для преодоления этой узости была осуществлена попытка выстроить на форуме диалог между представителями сфер деятельности, влияющих на формирование человека (школой, университетами, СМИ и журналистикой), определить общее понимание задач и требований к человеку в рамках инновационной экономики.

Показательно, что обсуждение характеристик человека новой постиндустриальной эпохи, развернувшееся на площадке дискуссионного клуба «Каким быть школьному образованию в инновационной России?», проходило силами педагогов и психологов – представителей прикладных, практических областей. Основные обсуждаемые вопросы носили больше функциональный, технический характер и выявили дефицит содержательный, концептуальный. К примеру, прозвучавшие на круглом столе характеристики, присущие «инновационному человеку» («высокая толерантность к неопределенности», «способность энергию стресса переводить в энергию развития», «высокая жизнестойчивость», «ответственность за свою жизнь»), не раскрывают связей с более широкими контекстами – социальным, культурным, антропологическим.

Существенному упрощению подверглись культурологические понятия. Многие тезисы, звучавшие на круглых столах, исходили из представлений о человеке-потребителе, оснащённом, однако, креативными компетенциями. К примеру, обсуждение городской среды сводилось к созданию комфортных зон отдыха, включающих новинки индустрии досуга. Такие представления не позволяют провести дефиниции между концепциями созидания, творчества, креатива, потребления, имеющими разные культурно-исторические основания и степени соответствия инновационной тематике.

В.И. Слободчиков на дискуссионном клубе «Каким быть школьному образованию в России?» подчеркнул, что инновационная экономика, главная цель которой приносить прибыль, не имеет никакого непосредственного отношения к антропологии, к формированию человека, кроме лишь отношения к нему как к сырью. В этом смысле инновации нужны, подчеркнул эксперт, для «более эффективного использования человеческого биотоплива» [29].

Проблема связи традиции и инноваций со всей очевидностью проявилась при обсуждении формирования инновационной среды Томска. Эта тема показала, что проработка вопросов, связанных с ресурсностью традиционности, её инкорпорацией в инновационные формы жизни (на необходимость чего указал Томску эксперт в сфере градостроительства Николая Бушо, глава «Aper Group Strategy»: «Нужно удерживать многослойность среды, а не расчленять ее, и в этом ее богатство» [30]), пока не начиналась.

Инновационный постмодернизм: деятельность без субъекта

Наиболее серьёзный дефицит социогуманитарного «оснащения» инновационного дискурса проявляется в том обстоятельстве, что превалирующие в нём административно-нормативные методы не приспособлены к работе со сферой субъективного, внутренне-мотивированного. Таким образом, не удаётся осмыслить вопрос о субъектах собственно инновационной деятельности, выявить их и поддержать в практической сфере, привлечь к участию в многочисленных инновационных программах, проектах.

Государство, как основной инициатор инновационной деятельности, сегодня становится и главным ее субъектом. Это не является эффективным с точки зрения успешности реализации инновационной политики [31], что демонстрирует зав. сектором экономики науки и инноваций Института мировой экономики и международных отношений РАН И. Дежина, проводя анализ инновационной политики России за весь период ее существования. Неэффективность инновационной политики при доминирующем участии государства и государственно-административных структур в ее формировании и реализации подтверждается и примерами успешных инновационных систем развитых стран, где это участие регламентировано и ограничено [32].

Сегодня многие исследователи обсуждают возможности такого субъекта инноваций, как «креативный класс», понимаемый как «основной генератор инноваций, как субъект воспроизводства человеческого и символического капиталов, как держатель или распорядитель культурного и информационного ресурсов, как социальная группа, от которой зависит глобальная конкурентоспособность государства» [33. С. 37] при переходе к «экономике знаний».

По мнению А. Окара, в отличие от понимания креативного класса Р. Флориды, основанного на профессиональном критерии (работники, занятые в креативном сегменте экономики, чья экономическая функция заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды, – новых идей, новых технологий и нового креативного содержания), российской специфике больше соответствуют антропо-социальные критерии, когда основной классифицирующий признак связан не с объективными, а с субъективными, психологическими показателями. В таком понимании к креативному классу можно причислить всех тех, кто в пределах своей профессиональной или социальной деятельности является инноватором, генератором развития, создателем «точек роста». Представители *homo creativus* – это люди с творческой идентичностью, с определенным уровнем прагматических жизненных мотиваций. «В условиях постиндустриального развития именно национальный креативный класс является основным генератором и источником инноваций, именно он создает символический капитал нации. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализован, инновации приходится экспортировать извне, что характерно для догоняющих модернизаций» [33. С.46].

Так, причиной отклонения от намеченной цели любых модернизаций в России А.П. Прохоров считает отсутствие «тех слоёв населения, тех типов чиновников, менеджеров, политиков, судей, журналистов, которые будут двигать новшества. И приходится вместо нормальных движущих сил реформ

волевым решением назначать квазидвижущие силы, тех, кто по своему опыту и социальному положению не соответствует возложенной роли реформаторов» [34. С. 183].

Реалии форума. На форуме можно было услышать две противоречивые позиции, высказывания, характеризующие дефицит привлечения реальных субъектов: «Людей нет, делать некому» и «Активных людей, имеющих инновационные идеи, пробы, проекты, полно, но: мы их не знаем / им сюда не пробиться /, они сюда не пойдут». Этот дефицит был сформулирован одним из участников форума в вопросе: «Кто же все-таки входит в «партию инноваторов»?»

В рамках форума проявился, с одной стороны, дефицит собственно томских авторских (региональных, городских) идей и концепции. С другой стороны, у местного потенциального сообщества инноваторов на сегодняшний день не сложилось своего языка, своего способа самоописания, что в инновационных процессах имеет немаловажное значение. В большинстве случаев используются заимствованные концепты: «креативный город» Ч. Лэндри, «когнитивный город» С. Переслегина, «университетский хребет» В.Л. Глазычева и др. Следствием является отсутствие моделей целостности инновационной среды: нет методов работы с различными позициями в инновационном процессе, нет представлений о типе кооперации в этом процессе. Так, В.Н. Княгинин акцентировал необходимость иного видения различных участников инновационной среды, подчёркивая, что нужно проектировать «не город, наполненный молодёжью, а город, развёрнутый к молодёжи».

Законы инфляции: ритуализация инновационной риторики, противостояние формального и неформального

Основную сложность вхождения социогуманитарного блока в инновационный дискурс можно сформулировать следующим образом: идеология, являясь квазиформой гуманитарного знания, выступает, по сути, его антагонистом и не позволяет развернуть глубокое осмысление гуманитарных, социальных, культурных аспектов инновационной деятельности. Однако и гуманитарная наука традиционно находится в оппозиции к любого рода идеологиям (и технологиям), что в российской истории неоднократно оборачивалось разрушением ценностно-идеологического ядра, измельчанием мотиваций общественного и индивидуального существования [33]. Это привносит дополнительные трудности в понимание возможного плодотворного взаимодействия идеологии и гуманитарной науки.

С этой точки зрения одна из реальных гуманитарных угроз в России – это возможная профанация и деконструкция модернизационно-инновационной риторики (включая разговоры о «нанотехнологиях», «человеческом капитале», «экономике знаний», «креативной экономике», «модернизации», «прорывном развитии»). Инновационная риторика рискует утратить свою осмысленность и энергетику и стать новым «ритуальным языком» административно-бюрократической элиты – своеобразным тестом на лояльность к начальству. «Идеологические поиски и социально-философские дискуссии в нынешней России постепенно заходят в тупик – вместо новых идей и модер-

низационных стратегий изобретаются новые слова и пиар-тезисы, нацеленные не на стимулирование развития страны и народа, а на консервацию политического режима и системы экономических отношений, либо на их расшатывание и уничтожение – в среде радикальной оппозиции» [33. С. 52].

Социологи говорят в этой связи о противостоянии формальных (законы) и неформальных (ценности) институтов. Противоречие этих институтов Дуглас Норт называет эффектом блокировки, а Виктор Полтерович – институциональной ловушкой. Российский экономист и теоретик институциональной экономики А. Аузан определяет Россию как страну, проходящую модернизацию через разрыв формальных и неформальных институтов, характеризующийся скрытым или явным сопротивлением инновационной идеологии как части государственной политики. Исторически сложившееся недоверие к власти и принимаемым ею решениям априори обрекает их на недостаточную эффективность реализации.

С одной стороны, здесь затрагивается глубочайшая проблема отечественной культуры – специфический российский феномен отчуждения общества от власти. Теоретики говорят о том, что успешная инновационная модернизация возможна лишь при трансформации отношений власти и народа из вертикальных, состоящих из господства и подчинения, в горизонтальные, строящиеся на взаимном доверии и сотрудничестве. Однако само достижение такой широкой солидарности и баланса сил – вопрос, уводящий в проблемы этического плана, в особенности национальной истории. Таким образом, с другой стороны, можно рассматривать данные проблемы как следствие несформированности взаимоотношений и серьезного взаимодействия идеологии и гуманитарной науки. В таком рассмотрении область гуманитаристики выступает как значимый содержательный посредник-медиатор между субъектами власти, идеостроителями и различными группами населения, их мотивами и ценностями.

Реалии форума. Высказывания общественности в Твиттере (<http://twitter.com/>) и в комментариях на сайте форума по поводу его проведения, затраченных на это ресурсов, соотношения целей и средств, инновационной идеологии в целом показывают, что существуют и негативные оценки, поиск подспудных корыстных интересов власти, что является вполне традиционным жанром общественных обсуждений. В Интернете все чаще можно увидеть видеоролики, в жанре «черного юмора» демонстрирующие общественное недоверие к государственной инновационной политике и явно дискредитирующие ее.

Эта ситуация, проявляющая устойчивые мотивы и ценности граждан, их глубинное недоверие к действиям власти, неготовность принимать реализуемые изменения, показывает ту зону проблем, с которыми рано или поздно предстоит работать, выносить на общее обсуждение.

Форум, по словам эксперта П.Г. Щедровицкого, это площадка, создаваемая для осуществления процесса понимания. Эта общая площадка позволяет участникам наиболее адекватно и разносторонне описать ситуацию, что является залогом для принятия последующих эффективных управленческих решений. Однако пока описанные выше умонастроения игнорируются вла-

стью, пока неформальные институты (ценности) не учитываются и не обсуждаются, пока не выстроен полноценный диалог, процесс понимания остаётся недостижимым идеалом.

Видимый горизонт (Значимое отсутствие)

В социогуманитарную повестку инноватики авторы бы также внесли следующие значимые аспекты, не поднимаемые инновационным сообществом, однако осмысляемые в работах известных гуманитариев, философов техники, социологов. Кратко зафиксируем ряд вопросов и задач, очертим то проблемное поле, которое требует дальнейшего пристального рассмотрения и изучения в рамках социогуманитарной проблематики инноватики.

Постоянные инновационные изменения и обновления ведут к нестабильности и неуверенности, риску как новой норме жизни. Социально-культурное значение рисков рассматривается в трудах М. Дугласа, Э. Гидденса, Н. Лумана, М. Фуко. Наиболее завершённая концепция общества риска принадлежит У. Беку [35]. Суть концепции заключается в том, что «позитивная» логика общественного производства по накоплению и распределению богатства, господствовавшая в индустриальном обществе, постепенно и все более активно вытесняется «негативной» логикой производства и распространения рисков. Расширение производства рисков подрывает принцип рыночного хозяйства и частной собственности, поскольку произведенное общественное богатство систематически обесценивается, превращается в отходы, загрязняется, омертвляется. В конечном счете это угрожает также фундаментальным основам рационального поведения общества и индивида – науке и демократии.

В связи с этим следует отметить нарастающую потребность в развитии области социогуманитарного прогнозирования. Стремительное развитие технологий ушло далеко вперед от его осмысления; влияние научно-технологического развития на человека и общество сложно отследить, описать, а тем более спрогнозировать. «Человек продемонстрировал свое неумение прогнозировать следствия технологических инноваций за пределами промышленной области и контролировать происходящие техногенные трансформации» [36. С. 108]. Прогнозирование – это определение отдаленных целей, стратегий, складывающихся не из сиюминутных обстоятельств, а под воздействием глубинных и мощных, долгосрочно влияющих механизмов. Взаимосвязь эффективного проектирования и умения прогнозировать долгосрочные последствия не подлежит сомнению.

Следующий блок проблем, вызванных развитием новых технологий, связан с изменением, трансформацией антропологической реальности. «Порочный круг: техника порождает потребности человека, которые удовлетворяются техническим же путем. Новая техника делает актуальными новые потребности и т.д. Все это существенно влияет на природу человека» [27. С. 223]. Инновации, формируя новые потребности людей, культивируют консьюмеризм, унификацию и упрощение человека по образу и подобию машины: «Массовизация, унификация, техногенный быт приводят к усреднению духовной жизни, формированию однородных стилей жизни и типов

мышления» [37. С.145]. Возможности людей к адаптации не безграничны: необходимость постоянно самообразовываться, обновлять знания и утилизировать старые представления ведет к информационной усталости, порождает новые формы эскейпизма (даун-шифтинг), новые формы сопротивления. Данные проблемы требуют глубокой проработки, поиска возможных механизмов компенсации негативных процессов.

Третий блок проблем относится к социальной сфере и обозначается как «социальный разрыв». Постиндустриальное общество, описываемое в трудах Д. Белла, З. Баумана, М. Кастельса, В. Иноземцева, помимо прочего, характеризуется увеличивающимся социальным разрывом между группой высококвалифицированных работников, постоянно повышающих свою квалификацию, и малоквалифицированными работниками, занятыми физическим трудом. В мировом контексте разделения труда это означает невозможность для развивающихся стран второго и третьего мира догнать развитые страны и сравняться с ними в уровне благополучия и процветания. «Из полутора сотен развивающихся стран, приступивших к модернизации за вторую половину 20 в., лишь десятке удалось войти в глобализированный рынок, а остальные маргинализировались, фактически оказавшись за пределами мирового развития» [23. С. 147].

Очерченные проблемы и вызовы являются, безусловно, трансдисциплинарными и распространяются шире, чем непосредственная область вопросов, затрагиваемых сегодня российским инновационным сообществом. Однако инноватика, относительно молодая область, объединяющая знания и практики из разных сфер, видится обладающей ресурсами и энергетикой для переосмысления указанных вызовов и поиска новых концептуальных идей и решений.

Литература

1. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2005. 376 с.
2. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: Учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2008. 328 с.
3. Гамидов Г.С., Колосов В.Г., Османов Н.О. Основы инноватики и инновационной деятельности. СПб.: Политехника, 2000. 237 с.
4. Друкер П.Ф. Бизнес и инновации. М.: Вильямс, 2009. 432 с.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.
6. Бестужев-Лада И.В. «Алгоритм» социального нововведения // Социологические исследования. 1991. №9. С. 13–32.
7. Келле В.Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование. М.: УРСС, 2003. 148 с.
8. Луков В.А. Социальное проектирование и прогнозирование: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 240 с.
9. Оганесян Т., Розмирович С., Медовников Д. Рождение национальной инновационной системы // Эксперт. 2010. №36 (720). URL: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/
10. Аузан А. Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ; Полит.ру, 2010. 192 с.
11. Лапин Н.И. Сверяем человеческие измерения модернизации // Мир России. 2011. №2. С. 25–34.

12. *Степанянс М.Т.* Социокультурные основания модернизации Индии // ПОЛИС. 2012. №1 (127). С. 26–43.
13. *Ширко К.Н., Загоскин Д.В.* Культурный капитал как условие и фактор инновационно-го развития регионов России: к теоретико-методологической модели исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. №2. С. 45–52.
14. *Фуко М.* Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
15. *Квадратура* смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 448 с.
16. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
17. *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2002. 528 с.
18. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
19. *Морозов К.* Место, где определяется стратегия // Первый экономический. 2011. №15. С. 8–12.
20. URL: <http://innovus.biz/ru/forum-2011/programm/main/round-innovative-city/>
21. *Поланьи К.* О вере в экономический детерминизм // Великая трансформация Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее: сборник. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 588 с.
22. *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
23. *Попкова Н.В.* Философия техносферы. – М.: ЛКИ, 2008. 344 с.
24. *Демиденко Э.С.* Ноосферное восхождение земной жизни. М.: ПР Стайл, 2003. 456 с.
25. *Неклесса А.И.* Инновация и революция // Дружба Народов. 2003. №4. С. 45–55.
26. *Андреев А.Л., Бутырин П.А., Горохов В.Г.* Социология техники: Учеб. пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. 288 с.
27. *Розин В.М.* Философия техники. М.: Nota bene, 2001. 456 с.
28. *Инновационная Россия – 2020: стратегия развития РФ на период до 2020 года.* М., 2010. 105 с. – URL: <http://innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf>
29. *Дискуссионный клуб: Каким быть школьному образованию в России?* – URL: <http://innovus.biz/ru/forum-2011/programm/main/club-transforming-education/>
30. *Круглый стол: Среда инновационного города.* – URL: <http://innovus.biz/ru/forum-2011/programm/main/club-transforming-education/>
31. *Дежина И.* «Игра в куклы»: лекция о научной и инновационной политике в России. – URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/31/dolls/>
32. *Дероше П.* «Возможна ли новая Кремниевая долина?»: лекция о международном опыте создания экономических инновационных кластеров. – URL: <http://www.polit.ru/article/2011/04/08/deroche>
33. *Окара А.* Новая идея для новой России: от демодернизации к креатократии // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. 2009. №9. С. 32–60.
34. *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М.: Эксмо, 2009. 382 с.
35. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
36. *Кудрин Б.И.* Техногенная самоорганизация. М.: УРСС, 2004. 342 с.
37. *Чернов Г.Ю.* Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна, 2002. 434 с.